

А. А. КИЗЕВЕТТЕР

Историческое значение царствования Екатерины II

...Это была пора пышных планов и громких деяний. Достаточно вспомнить два-три имени, чтобы тотчас представить себе весь внешний блеск и этих планов, и этих деяний. «Великолепный князь Тавриды» с его эффектными мечтами об изгнании турок из Европы, с его гомерическими пирами, на которых дамам разносили вместо десерта глубокие тарелки, полные бриллиантов, Суворов, славный полководец, — все это сильные и яркие образы нашего прошлого. Наконец, сама императрица — необычайное явление на престоле: коронованная корреспондентка передовых философов века, автор Наказа — блестящей программы преобразования русской действительности на почве последних выводов европейской мысли. <...>

Сводя воедино осязательные конечные итоги Екатерининского царствования, мы должны принять во внимание как непосредственные практические результаты законодательной деятельности, так и те общие принципы, которые впервые громко и торжественно были заявлены с высоты трона.

Следует ли умалчивать, что между тем и другим не было полного соответствия; что практические результаты законодательной деятельности — бледные тени первоначальной теоретической программы императрицы? Странно было бы умалчивать об этом, так как предположение чего-либо иного уличило бы лишь игнорирование законов исторической перспективы. Вдохновленная передовым философским движением века теоретическая программа императрицы несомненно далеко отражала текущую русскую действительность, предвосхищала ее отдаленные будущие успехи и уже потому была обречена на поражение при столкновении с реальными жизненными отноше-

ями. Это не лишает ее исторического значения. Помимо своей практической применимости она важна, прежде всего, как красноречивая страница в истории русской мысли. Правда, она не разрешала затронутых вопросов и даже не намечала надежного пути к их практическому разрешению. Зато она *ставила* эти вопросы, притягивала к ним общественное внимание, будила общественную мысль.

Можно думать, что эта программа была намечена и обдумана задолго до воцарения. По крайней мере, мы находим вполне ясное указание на ее основное положение в манифесте, изданном в свет всего через какие-нибудь две недели после июньского переворота 1762 г. В этом манифесте находим, между прочим, следующие знаменательные строки: «Наиторжественнейшим нашим императорским словом узаконить такие государственные установления, по которым бы правительство любезного нашего отечества в своей силе принадлежащих ей границ течение свое имело, так чтоб и в потомки *каждое государственное место имело свои пределы и законы* к соблюдению доброго во всем порядка...» (Соловьев. Ист. Росс<ии>, т. XXV). Принцип законности провозглашался здесь краеугольным камнем предстоящей реформы. Первые самостоятельные шаги на административном поприще, первые столкновения с будничной обстановкой обычного делопроизводства могли только еще более обострить сознание ранее убеждение в необходимости неотложной реформы. Чтение разных прошений и дел, сенатские рассуждения, разговоры с окружающими, изучение законов, наполненных противоречиями, — все это, по собственному признанию Екатерины, окончательно привело ее к заключению, «что образ мыслей вообще, да и самый гражданский закон не может получить поправления иначе как установлением полезных для всех в Империи живущих и для всех вообще вещей правил, много писанных и утвержденных. И для того я начала читать, потом писать наказ комиссии уложения» (Сборник ИРИО, т. IV). Так возник Наказ, политическое *profession de foi* Екатерины, продукт ее предшествующей теоретической подготовки. Ведь известно, что Наказ, составленный из обширных заимствований из Монтескье и Беккариа, добавленных некоторыми немногими статьями оригинального происхождения, популяризировал идеи тогдашней просветительной западноевропейской литературы. С этой стороны Наказ должен быть оценен как замечательный литературный памятник своей эпохи. Рассматривая его теперь не как литературный факт, а как политический акт, мы считаем весьма знаменательной тесную связь Наказа с вышеприве-

денным манифестом. Взятый в целом, Наказ являлся детальной разработкой той самой основной мысли, которую мы подчеркнули в манифесте. Царство законности — так можно формулировать политический идеал Наказа. Водворение законности — единственный путь к европеизации России, составляющей конечную задачу просветительной деятельности мудрого правительства (511—512 ст. Наказа). Господство закона неизбежное условие гражданской свободы (ст. 39) и успехов общественной жизни (ст. 57). Чем гарантируется достижение законности как основы государственного порядка? Высоким развитием гражданских нравов. Два фактора, обуславливая доброе состояние нравов, служат тем самым лучшим оплотом законности: рациональное воспитание и правильная организация суда. «Правила воспитания суть первые основания, приуготовляющие нас быть гражданами» (ст. 348), они доказывают основы гражданской нравственности, правильно организованный суд — предохранительный аппарат от разрушения и искажения этих основ (ст. 146). Вот почему автор Наказа уделяет так много места суду и воспитанию, щедро рассыпая в относящихся сюда афоризмах последние выводы современных передовых авторитетов. В итоге автор Наказа развертывал перед читателем идиллическую картину идеального государства, где добрая нравственность граждан соперничает с мудрой обдуманностью государственных учреждений.

Екатерина не закрывает глаз на пропасть, разделяющую идеи Наказа от данных русской действительности. В Наказе найдется немало фактических иллюстраций русской жизни, достаточно доказывающих отсутствие на этот счет у императрицы каких-либо розовых иллюзий. Тем не менее, весь Наказ построен на полной уверенности в том, что эта пропасть может быть и непременно будет заровнена. Учреждения всегда соответствуют «расположению народа», рассуждает ученица Монтескье.

Россия есть европейская держава, следовательно, в основе ее учреждений должны лежать общеевропейские начала. Ходом исторических событий, смешением разных народов и завоеванием чужих областей к нам были пересажены чуждые начала и несходственные нравы. Омыть эти чуждые наносы, высвободить из-под них европейскую основу России — вот задача политики, задача вполне достижимая, как уже показал пример Петра I, который, «вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашел тогда такие удобства, каких он и сам не ожидал» (ст. 5, 6, 7). Однако в самом Наказе не сделано попытки не

только заровнять эту пропасть, но хотя бы перекинуть через нее на первый случай какой-нибудь мост. Наказ наметил общие принципы, идеальные исходные точки, а затем — «остается ныне комиссия, подробности каждой части законов сравнять с правилами сего Наказа» (ст. 522), так заканчивалась последняя глава Наказа. Как известно, комиссия, созванная для выработки проекта нового уложения, получившая в руководство только что рассмотренный Наказ, не выполнила возложенной на нее задачи, не составила такого проекта. Тем не менее работы комиссии не прошли совершенно бесследно для последующего законодательства, они легли в основание крупных законодательных актов Екатерининского царствования; мы разумеем учреждения о губерниях (1775 г.) и жалованные грамоты дворянству и городам (1785 г.). Если Наказ рисует нам первоначальные планы и надежды, с которыми началось замечательное царствование, то эти акты подводят общий итог практическим результатам, достигнутым к концу царствования и переданным в наследие потомству. Если Наказ отпечатлел на себе влияние просветительных идей на склад миросозерцания Екатерины и заявленной ею в связи с этим миросозерцанием программы, то вышеупомянутые акты вскрывают нам связь Екатерининской политики с общим ходом русской исторической жизни, с основными историческими процессами, намеченными нашим предшествовавшим развитием. <...>

Царствование Екатерины II, занявшее с небольшим три десятилетия прошлого века, является одним из знаменательнейших моментов нашего исторического развития. В течение этого царствования находят свое окончательное завершение и точную законодательную формулировку основные процессы русской жизни прошлого столетия, процессы, коренным образом перестроившие созданное Петром I государственное здание. <...>

Эпохой Петра Великого в русской истории заканчивается долговременный период национальной самообороны, тревожной и напряженной военной жизни, которая так сильно воздействовала на выработку всего нашего государственного строя. С Ништадтского мира Россия достигла своих наиболее насущных естественных границ и в то же время заняла видное место в тогдашнем европейском концерте. Напряженная борьба за политическое существование, столь долго сковывавшая естественный внутренний рост народных сил, кончилась. Это неминуемо должно было отразиться на переработке государственно-общественных отношений. Теперь одностороннее напряжение всех национальных ресурсов на нужды государственной обороны

уже не находило прежнего оправдания в реальных и неотразимых запросах жизни. Вот почему тяжесть прежнего порядка теперь усугублялась: к материальной тяжести присоединялась нравственная. Результатом такого поворота русской жизни и должно было явиться *раскрепощение* общественных классов от государственного тягла. XVIII век и следует рассматривать в истории нашего общества как начальный момент такого раскрепощения. Но в течение XVIII в. мы присутствуем лишь при первом акте этого знаменательного процесса, растянувшегося на целые полтора века. Указ о вольности дворянства, изданный Петром III, — вот его пролог, освобождение крестьян от крепостной зависимости в царствование императора Александра II — вот его эпилог. Прежде чем окончательно изменить свой старый облик, мы пережили долговременный промежуточный фазис смешанного характера. Этот-то промежуточный фазис и падает на XVIII в. Раскрепощение общества началось с верхнего *дворянского* класса и очень туго просачивалось затем в недра низшей массы. Дворянство уже в XVIII ст. избавилось от своего специального тягла: обязательной государственной службы. Но, добившись свободы, дворянство стало на страже крестьянской неволи. В XVIII в. впервые было провозглашено в русской жизни новое начало: *эмансипация*, но слишком еще был узок масштаб его практического применения. Новые веяния подернули блестящую поверхность русской жизни, но они еще не были тогда способны взбаламутить ее глубин. Екатерининское царствование и представило собою завершение этого промежуточного фазиса рассматриваемого процесса. Отсюда те резкие диссонансы и контрасты, которые насыщают атмосферу этого царствования. Общество стояло тогда на историческом перепутье.

Старина, по-прежнему царившая на дне народной жизни, поминутно просачивалась и на поверхность из-под новых житейских форм, вкрапливаясь тонкими и неуловимыми струями даже и в такие отправления общественной жизни, которые всецело казались на первый взгляд продуктами самоновейшего прогресса. На всю общественность, на всю нашу культуру рассматриваемой эпохи легла печать этой печальной двойственности. Вот почему, когда перед умственным взором историка вереницей проходят люди и факты этого царствования, пусть он не удивляется пестрой смене противоречивых явлений, пусть он не отдается чувству недоумения, когда перед ним в одних и тех же устах фразы Вольтера начнут чередоваться с речениями Домостроя и одни и те же руки от перелистывания великой эн-

циклопедии непосредственно перейдут к патриархальной расправе над домашней челядью...

Легко объяснимо, почему обнаружившиеся в обществе по смерти Петра искания новых, более сносных жизненных перспектив обозначились в сознательной форме в среде высшего общественного класса, в среде дворянства. Здесь сказался умственный подъем верхних слоев дворянства, подготовивший его к сознательной критике текущих жизненных условий и назревший под сильным влиянием Запада. Любопытно, к каким элементам западноевропейской общественности наше дворянство оказалось в этот момент наиболее падким. То были феодально-аристократические воззрения западноевропейской знати. Под совокупным воздействием туземных фактов и иноземных идей в обиходе нашей общественной мысли постепенно укореняется к половине века совершенно новое представление о сущности дворянского состояния. Дворянство провозглашается теперь устами своих передовых представителей не особым общественным классом, а *особой породой людей*. Дворянин, согласно этому новому воззрению, отличается от купца и крестьянина не только кругом своих обязанностей и прав, не только обстановкой и содержанием своей жизни, но прежде всего своей физической и духовной организацией. Дворянин — это белая кость, это — носитель утонченных чувств и зрелых мыслей, недоступных массе. Сословное чувство притупило у представителей дворянства чутье к родной истории. Дворянин половины XVIII в. рисует себе своего исторического предка — служилого человека Московской Руси — самоотверженным героем, который на одних своих плечах, движимый высокими побуждениями благородного духа, вынес на путь славы судьбу родины. «Кто в гибели твоей, Россия, — восклицал в Екатерининской комиссии для составления нового уложения кн. Щербатов, — подал тебе руку помощи? То верные твои чада, древние российские дворяне! Они, оставя все и жертвуя жизнью, они тебя освободили от чуждого ига, они приобрели тебе прежнюю вольность. Вот первое право, чтобы *никто с ними не был сравнен*»¹.

Мы знаем, как протекала жизнь служилых людей Московского государства. Это действительно была сплошная жертва сил и жизней на алтарь государственных нужд. Но мы знаем также, что историческая заслуга этих жертв вовсе не была заслугой одного служилого сословия. Если уж говорить о героях, то героем должен быть признан весь русский народ, в течение двух веков выносивший суровую историческую школу национальной самообороны. Между тем по воззрениям той среды, от

лица которой ораторствовал кн. Щербатов, дворянство исторически явилось единственным творцом безопасности и величия своей родины, ибо только дворянству, как высшему разряду людей, могли быть свойственны необходимые для этой цели высокие качества ума и сердца. Отсюда рождалось требование, чтобы дворянство «как особливая порода людей содержалась от государства в надлежащем почтении и консидерации». Исходя из этих пожеланий, в 30-х годах столетия дворянство обнаружило чрезвычайно обостренный вкус к руководящей правительственной роли в стране. Оно надеялось, опираясь на политическую власть, окончательно выйти из своего закрепощенного положения, вполне осуществить свои сословные притязания. 30-е годы прошлого века — резкий поворотный пункт в истории этого движения. Ход события показал вождям движения, что и при существующем режиме дворянство может надеяться на осуществление своих сословных притязаний. Разгоревшиеся было в дворянской среде политические страсти быстро гаснут, и текущая политика всецело усваивает себе дворянскую тенденцию. Тогда-то и начинается знаменательный процесс законодательного *раскрепощения* дворянства. Сущность этого процесса заключалась в том, что все сословные притязания дворянства одно за другим постепенно получают законодательную санкцию. Уже в царствование императрицы Анны в этом направлении были сделаны весьма крупные шаги. Так, указ 1736 г. пробивал первую законодательную брешь в старом государственном здании: он отменял принцип *пожизненности* обязательной дворянской службы. Каждый дворянин после 25 лет службы получил право проситься в отставку².

Эффект этой меры был поразителен. Лишь только вышел указ, правительство было завалено просьбами об отставке. Другой указ снимал вечнообязанный характер с дворянского землевладения, уничтожая Петровский закон о неотчуждаемости и единонаследии дворянских земель. Наконец, в 30-х годах дворянство добилося правительственной санкции своим сословным притязаниям и в сфере образования. В ответ на настойчивые заявления шляхетства в 1731 г. учреждается *шляхетский* кадетский корпус³, любимое детище Миниха. Центральным пунктом наметившейся теперь преобразовательной программы все же оставался вопрос об *обязательной службе*. Дворянство взглянуло на указ 1736 г. как на первый приступ к полной отмене обязательной службы. То была самая популярная идея среди представителей тогдашнего дворянства. Приближенные к трону представители этого класса настойчиво проводили ее

в правительственные сферы. При императрице Елизавете окружавшие наследника престола вельможи «неустанно вытверживали» ему о необходимости решительного шага в этом направлении. Наконец, 18 февраля 1762 г. пробил последний час дворянского закрепощения. Петр III подписал манифест о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству. С этого момента вступление на службу было предоставлено свободной инициативе дворянина. Бурное ликование дворянской массы приветствовало этот манифест. «Все вспрыгались почти от радости», — замечает в своих записках современник Болотов⁴.

Царствование Екатерины Великой явилось временем окончательного завершения вновь назревшего порядка. Екатерина II освящает законодательным путем два крупных факта, только что выработанные русскою жизнью: привилегированное положение дворянства и крепостную зависимость крестьян. В этом отношении названное царствование лишь подводит итог предшествующему историческому процессу, забывая жизненные факты в точные юридические нормы. Существует ходячий взгляд на Екатерину II как на продолжательницу политики Петра I. Это — крупное недоразумение, риторическая фигура, лишенная исторического содержания. Екатерина осватила своим законодательством процесс, состоявший в разрушении созданного Петром порядка. Что же касается специально истории дворянства, то в этой области императрица Екатерина явилась непосредственной продолжательницей не Петра I, которому она воздвигнула памятник, а Петра III, которого она сместила с престола. Указ Петра III «о вольности российского дворянства» — это как раз пролог к так называемому веку Екатерины. Немало разнообразных условий определило такой характер Екатерининской политики. Во-первых, для упрочения за собой только что добытого трона, в тот век постоянных дворцовых «пронунциаменто», ей необходимо предстояло опереться на наиболее сильные и властные общественные элементы. Вот почему, отдав дань либеральным порывам молодости, Екатерина подчиняет затем свои политические планы программе руководящего общественного класса. Но этого мало. Если из условий русской действительности Екатерина черпала уроки по части практической политики, то французские мыслители с Монтескье во главе воспитали ее теоретические общественные идеалы. Многие из них потерпело затем крушение при встрече с русской действительностью. Были, однако, некоторые пункты, по которым уроки русской жизни сливались в своих практических выводах с иными положениями западноевропейской теории. К та-

ким пунктам принадлежал прежде всего вопрос о роли дворянства. Монтескье, как известно, в своей политической системе отводил весьма важную роль привилегированному дворянству, смотрел на него как на необходимое соединительное звено между монархическим правительством и массой остального населения. Вот почему Екатерине еще легче было усвоить и понять сословные притязания дворянства. Эти притязания звучали ей чем-то знакомым, напоминали то время, когда она еще великой княгиней коротала свой обильный досуг с творениями своего учителя — Монтескье.

Ряд крупных законодательных актов явился практическим выражением этих господствующих идей. Первое место среди них должно быть отведено «Жалованной грамоте» дворянству 1785 г. Это один из таких памятников нашей истории, где, как в зеркале, отразились руководящие тенденции соответствующего исторического момента. Здесь сведены в общий итог все преимущества дворянского класса, создавшие последнему надолго привилегированное положение в русской жизни. Краеугольным камнем всего памятника является общее определение дворянского состояния, которое любопытно рассмотреть как яркий пример воздействия на законодательство наиболее выпуклых общественных течений того времени. Это определение почти дословно заимствовано из составленного Екатериной «Наказа». В «Наказе» читаем: «Земледельцы живут в селах и деревнях и обрабатывают землю, из которой произрастающие плоды питают всякого состояния людей. И сей есть их жребий. В городах обитают мещане, которые упражняются в ремеслах, в торговле, в художествах и науках. *Дворянство есть порицание в чести, различающее от прочих тех, кои оным украшены*».

Крестьяне и мещане характеризуются здесь как общественные классы, различающиеся друг от друга образом жизни и условиями деятельности. Напротив, дворяне выделяются в особую группу как носители особой сословной чести. Показателем этой чести служат особые заслуги, которые могут истекать лишь от существ, отмеченных исключительной добродетелью. Итак, *добродетель и истекающая из нее заслуга* — вот что возводит людей на степень дворянства. Далее, если дворянская честь — не что иное, как естественное следствие известной нравственной природы, отсюда получается тот вывод, что «лишить дворянства никого не можно, кроме того, который сам себя лишил оного своими основанием его достоинства противными поступками и сделался чрез то звания своего недостойн».

Далее следует и реестр недостойных дворянина пороков. И так, в то время как прочие общественные классы определяются неизвестным объемом специальных прав и обязанностей, дворянство как общественный класс определяется известным объемом специальных добродетелей и пороков.

Это совершенно тот же самый взгляд на дворянское состояние как на особую породу людей, который, как мы только что видели, громко раздавался из среды самого дворянского общества. Исходя из этого отправного определения, грамота наделяет затем дворян рядом чрезвычайно важных личных и корпоративных привилегий. Все они разбиваются на две категории: одни представляют дворянам новые преимущества, явившиеся результатом недавнего раскрепощения этого класса, — таковы: свобода от обязательной службы и право судебной защитой ограждать неприкосновенность дворянского достоинства. Другие освящают на будущее время такие преимущества, которыми дворянство пользовалось и ранее и при прежнем закрепощенном режиме. Таковы — исключительное право одних дворян на владение землей и свобода от всяких личных податей. Но вот что чрезвычайно знаменательно. И эти старые преимущества получают теперь совершенно новую юридическую окраску. Обе только что названные привилегии являлись раньше естественным последствием обязательной дворянской службы. Теперь служба отпала, но отмеченные преимущества остались в силе, превратившись, таким образом, в настоящие сословные привилегии, основанные единственно на *достоинстве дворянского звания*. — Наконец, та же грамота создавала губернские и уездные дворянские общества, наделенные в качестве юридических лиц определенными правами. Провозглашая личные права дворянина, грамота устанавливала в то же время корпоративную самостоятельность дворянства в сфере сословных интересов. Но и этого мало. Другой законодательный акт Екатерининского царствования, «Учреждение о губерниях», предоставил дворянству командующую роль и в сфере общегубернской администрации. — Нам ясны теперь конечные результаты рассмотренного процесса дворянского раскрепощения.

Дворянство получило руководящее значение и в центре и в области. Центральное правительство систематически осуществляет программу сословно-дворянских притязаний, в области дворянство делается распорядителем крепостного народного труда и берет в свои руки всю губернскую администрацию. — В русской истории наступает в полном смысле «дворянская эра».

Нам пора спросить себя: на чем же держалось господствующее положение дворянского класса, на какие жизненные ресурсы опиралась его столь внушительная сила? Бок о бок с усадьбой помещика, забывавшего теперь на лоне сельской природы докучливые смотры и экзамены, по-прежнему стояла крепостная деревня. Что же творилось *там*, чем ознаменовался XVIII в. в истории крепостного крестьянства? И здесь совершались глубокие перемены, и здесь жизнь деятельно лепила новые формы. Но, переходя из дворянской усадьбы в крепостную деревню, мы должны приготовиться к совершенно иным впечатлениям. По мере того как служилый человек постепенно превращался в свободного члена дворянского корпуса, крепостной крестьянин постепенно превращался в раба. По смыслу старого государственного порядка крестьянский крепостной труд должен был обеспечивать ратную службу помещика в пользу государства. С уничтожением обязательности дворянской службы естественно получался тот вывод, что и с крестьян должно сниматься обязательный крепостной труд в пользу помещика.

Этого ждали и сами крестьяне, среди которых тотчас по издании указа о вольности дворянства пошли настойчивые слухи о близком наступлении воли. XVIII век не дождался этого второго шага, и с этого момента крепостной крестьянин резко меняет свою юридическую физиономию. И раньше крепостной крестьянин часто фактически становился на одну доску с рабом. Теперь, в занимающую нас эпоху, он стал приближаться к состоянию раба не только фактически, но юридически. Крепостной труд уже не был, как прежде, обеспечением дворянской службы, но крепостное право осталось в силе, как учреждение без вызвавших его первоначально мотивов, как следствие без причины, как тяжелый анахронизм, тяготевший над русской жизнью.

Между тем, этот анахронизм давал основной тон развитию решительно всех сторон нашей тогдашней общественности. Так, завершившаяся в царствование Екатерины эмансипация дворянства сыграла крупную роль и в истории крестьянства. Эмансипация дворянства дала одновременный толчок двум совершенно противоположным явлениям в сфере крестьянского вопроса: 1) *на практике* крестьяне подвергались теперь полному порабощению, 2) *в теории*, впервые был ясно поставлен вопрос о неправомерности и ненормальности такого явления. Век Екатерины — в одно и то же время век окончательного развития крестьянской неволи и век зарождения освободительных,

аболиционистских движений в нашем обществе и в нашей литературе. <...> Помещичий произвол не находил сколько-нибудь серьезной сдержки в текущем законодательстве. Правда, в течение Екатерининского царствования было издано несколько указов, направленных на смягчение некоторых частных крепостного права. Но все эти указы, крайне малочисленные, очень робки, отрывочны и мелочны. Они не могли оставить сколько-нибудь ощутительного следа на бытии крепостной деревни, а некоторые из них прямо явились платоническими законодательными благопожеланиями, не примененными на практике. Между тем, вперемежку с этими указами выходили другие, которыми помещики не преминули воспользоваться как лишним удобным орудием для расширения и укрепления своей владельческой власти. В царствование Екатерины крестьянам окончательно было запрещено жаловаться куда бы то ни было на своих помещиков, помещикам было дозволено сдавать своих крестьян в адмиралтейскую коллегия на каторжные работы с правом взять их себе обратно по собственному усмотрению, во всякое время отдавать крестьян в рекруты в зачет будущих наборов. Наконец, в царствование Екатерины состоялось территориальное распространение крепостного права: мы разумеем прикрепление малороссийских крестьян.

В то же время, однако, быстрое развитие крестьянской неволи само по себе грозило дальнейшей устойчивости крепостного уклада. На поверхности русской жизни всплывал «крестьянский вопрос» во всем своем объеме, во всем своем грозном значении. Раз обозначившись, он уже не сходит с очереди вплоть до своего окончательного разрешения. Он делается одним из тех «проклятых вопросов», над которыми мучительно бьется ряд поколений, одинаково бессильных и разрешить, и затупить их. Крестьянский вопрос как очередная и основная задача государственной жизни возникает у нас именно в царствование Екатерины. Правда, он ограничивается в то время областью теоретических рассуждений, правда, даже и эти теоретические рассуждения за единичными исключениями задевают вопрос очень нерешительно и осторожно, тем не менее самый факт постановки вопроса был полон знаменательного значения: это было внушительное «*memento mori*» по адресу торжествующей крепостнической партии.

Борьба загоралась в три приема и на трех различных аренах: в основанном при Екатерине Вольном экономическом обществе, в тогдашней сатирической литературе и в знаменитой «Комиссии для составления нового уложения». Несмотря на разность

поводов и обстановок, несмотря на различие лиц, выступавших во всех этих случаях от лица спорящих партий, борьба носит все время один общий характер. И крепостники, и эти первые родоначальники русского аболиционизма не отличаются в то время сложностью и разнообразием своей аргументации. Их рассуждения легко свести к немногим общим положениям. Если выделить знаменитую книгу Радищева с его замечательным проектом освобождения крестьян с земельным наделом, книгу, стоящую совершенно особняком, то мы должны будем признать требования застрельщиков аболиционизма чрезвычайно умеренными. Они почти не касаются самого принципа помещичьей власти. Сатирическая литература нападает на одни частные злоупотребления при его практическом применении. Она взывает не к законодательной реформе, а лишь к общему подъему рабовладельческой этики, разумеется, не указывая никаких надежных путей к такому подъему. А те, кто возлагал надежды на законодательные мероприятия, либеральные депутаты Екатерининской комиссии, те ратовали лишь за известную, довольно скромную регламентацию помещичьего произвола. И все-таки крепостники подняли вопль. Малейшая попытка регламентировать помещичий произвол приравнивалась ими к полному отрицанию крепостного права, а отрицание крепостного права объявлялось кощунственным потрясением государственного порядка. Некоторые наиболее выдающиеся вожди консервативной партии не без иронии замечали аболиционистам, что проектируемые ими меры не принесут никакой осязательной пользы, раз останется в силе личная зависимость крестьянина. Взглянем теперь на литературных представителей крепостнической партии. Защитники существующего режима разбивались на две группы. Одни доказывали преждевременность реформы, допуская ее как труднодостижимый идеал неопределенного далекого будущего, когда крепостная масса будет подготовлена к пользованию всеми благами свободы. На этой точке зрения стоит, например, такой выдающийся писатель прошлого века, как Болтин. Рекомендовали просвещение народа как необходимый подготовительный путь к уничтожению рабства, забывая при этом, что существование рабства и являлось как раз главным тормозом и материального, и духовного прогресса. Другие являлись безусловными принципиальными сторонниками крепостного права. Прежде всего они апеллировали к истории: «все земли и крестьянские усадьбы — родовое пожалованное или купленное достояние помещиков». Эта историческая справка обрывалась на полуслове и подтасовывала

подлинный исторический факт. Вообще крепостникам Екатерининской формации рискованно было становиться на историческую точку зрения в защите своих интересов. Мы уже знаем, что с царствования императрицы Екатерины положение дворянства как раз определилось разрывом с предшествующей исторической традицией. Поместное землевладение, как и прикрепление крестьян, создано на почве вечнообязанной дворянской службы, которая теперь была уничтожена. Крепостники сами чувствовали недостаточность своего исторического аргумента и спешили перенести обсуждение вопроса на точку зрения государственных интересов. Только существование крепостного права гарантирует, по их заявлениям, — устойчивость государственного порядка и общественное спокойствие — того самого крепостного права, которое подарило Россию пугачевщиной. <...> Итак, с одной стороны, крайняя осторожность и умеренность аболиционистических стремлений, с другой — достаточность самых нехитрых и шатких аргументов для защиты крепостного права в глазах большой публики — вот черты, характеризующие постановку крестьянского вопроса в царствование Екатерины. И все же эти черты не лишают только что отмеченную полемику крупного исторического значения. Так или иначе вопрос был возбужден. Раз поднявшись, аболиционистское движение уже никогда не замирало, оно долго просачивалось чрез предубеждение массы скромной, но настойчивой струей, пока, дождавшись лучшего времени, не охватило могучим потоком и общество, и правящие сферы.

Таковы были глубокие социальные метаморфозы, отметившие царствование Екатерины в истории русского дворянства и русского крестьянства <...>

Мы не касались в нашем обзоре тех шумных и ярких событий, которые разыгрывались на поверхности тогдашней жизни, составляя ее внешнюю блестящую пену. Гром грандиозных войн, капризные перипетии дворцовой борьбы, быстрая смена внезапно возникавших величий и столь же неожиданных и громких падений, — все это насыщало тогдашнюю, по крайней мере столичную, атмосферу непрерывным рядом острых и драматических ощущений. Но мы намеренно миновали этот нарядный калейдоскоп скоропреходящих явлений. Он и без того слишком долго заслонял от глаз исследователей прошлого крупные и коренные процессы нашей внутренней истории.

Развертываясь медленно и постепенно, под шум преходящей суеты, эти процессы, между тем, как раз и определили собой истинное историческое значение занимающего нас века. Мы

можем теперь формулировать вкратце их сущность: век Екатерины был веком дворянского раскрепощения, крестьянского порабощения и постепенного *народнения* города как цельной и автономической общественной единицы. Жалованные грамоты дворянству и городам 1785 г. санкционировали законодательным путем освобождение двух классов общества от того закрепощенного положения, какое было унаследовано ими от эпохи Московского государства. Но роль этих двух грамот была различна. Грамота дворянству подводила итог готовому жизненному факту, давно назревшему в действительности и сознательно осмысленному в стремлениях различных слоев дворянства. Грамота городам, наоборот, предвосхищала дальнейший рост городского самоуправления, указывала новый, еще неизведанный путь, давала впервые лозунг к предстоящим еще завоеваниям.

Мы не можем указать в занимающем нас веке практических шагов по пути освобождения применительно к крестьянской массе. Напротив, крестьянское закрепощение вступило даже тогда в дальнейший фазис своего развития: закрепощение государству сменилось порабощением землевладельцу. Но, с другой стороны, самое это перерождение юридических оснований крестьянской неволи впервые тогда же поставило на очередь вопрос о ненормальности крепостного права как государственного института... Пока крестьянин, неся бремя закрепощения, разделял в этом отношении участь всех других классов общества, его судьба не становилась предметом теоретической разработки. Теперь, когда крестьянин попал в положение обделенного брата общерусской семьи, крестьянский вопрос тотчас становится острой темой текущей общественной полемики.

Заклучим: век Екатерины — крупный переходный момент в истории нашей общественности. То в форме практических законодательных шагов, то в форме теоретических проблем этот век впервые поставил ребром те вопросы, от разрешения которых зависит *европеизация* России не только в смысле усовершенствования внешнего культурного лоска жизненных форм, но и в смысле преобразования коренных основ государственно-общественных отношений.

